

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Царица Тамара

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Царица Тамара / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 305 с.

ISBN 978-5-519-99044-8

ISBN 978-5-519-99044-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЦАРИЦА ТАМАРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Выстрѣлы замирали... Изрѣдка слышались пушечные удары, да порой на минуту-на двѣ разгоралась трескотня ружейнаго огня.

На нашихъ аванпостахъ драгуны совсѣмъ не отвѣчали туркамъ,—надоѣло. Толку отъ этого обмѣна шальныхъ пуль не было никакого. Лишь попусту тратились снаряды.

Въ глухомъ болгарскомъ селѣ, гдѣ мы започевали, стояли ранѣе турки, и такимъ образомъ мы въ эту ночь попали на все готовое.

Непріятель едва успѣлъ убраться, даже въ нѣкоторыхъ печуркахъ нашлись котелки съ пилавомъ и вертела съ кусками вкуснаго кебаба, а

одному низаму *) до такой степени понравился огонекъ, разложенный имъ въ этомъ дымномъ каминѣ небольшой землянки, что онъ не ушелъ оттуда и, когда къ нему ввалилась цѣлая масса нашихъ драгунъ, онъ только приподнялся и совершенно спокойно отдалъ воинскую честь.

Такъ и остался онъ военноплѣннымъ!

Къ счастью, день обошелся безъ боя, и солдаты были въ добромъ духѣ. Они сейчасъ же снабдили турка табакомъ и пригласили къ общему котлу.

Низама это нисколько не удивило—точно такъ и слѣдовало. Нисколько не стѣсняясь, онъ взялъ данную ему деревянную ложку и принялся уписывать за обѣ щеки.

Даже солдаты пришли отъ него въ восторгъ.

— Ай да мы!

— Ъшь, ѡшь, турка! Казенное, вѣдь... Около пасъ, братъ, и ты пропитаешься.

— Тоже, вѣдь, такъ, какъ и мы, солдатъ!

— Не самъ шелъ—погнали! А, поди-ка, дома и у него жена да дѣти есть?

— Малыши еще, можетъ! а? Заберутъ его въ плѣнъ, когда онъ ихъ увидитъ?

— Не разъ поплачетъ...

— Ну, да авось...

И солдатъ, ужъ оборачиваясь къ низаму, продолжалъ, точно тотъ долженъ былъ понимать по-русски:

*) Низамы—турецкіе солдаты.

— Не бойся, братья! Вотъ, здорово поколотимъ мы вашихъ, ну, султанъ твой и запросить пардону.

— Аману, по-ихнему.

— Ну, что ты понимаешь? Аманъ завсегда кричать, а пардону просятъ. Ну, какъ запросить — тою-жъ минутою царь нашъ его и помилуетъ. На носу только зарубить ему — не смѣй-де, мелочь, цыганить да смутьянить у меня! Получай свой паекъ,—чего мнѣ не жаль, и живи! И повертаютъ тебя домой тогда, къ себѣ, значить. Тогда и дѣтокъ увидишь!

Низамъ тоже не хотѣлъ остаться въ долгу.

Хоть ничего не понялъ, но пожелалъ отличиться тонкимъ воспитаніемъ. Онъ началъ говорить—долго и много. Показывалъ и на полъ, и въ потолокъ... Упоминалъ Аллаха и прикладывалъ руки къ сердцу.

Когда онъ кончилъ, солдаты задумались, точно слышали нѣчто невѣроятпо-глубокомысленное.

— Понялъ ты что?—спросилъ одинъ у другого.

— Еще же-бы не понять! Пустое дѣло самое!

— Что-же онъ?..

— Очень просто. Россія, говоритъ, вотъ какая—выше потолка, а Турція—маленькая, чуть-чуть на полу видно... И нашъ-де Аллахъ передъ вашимъ ни къ чему не годится... Все понятно! Надо только съ разумомъ слушать...

— Что-же вы будете его караулить, братцы?

— Зачѣмъ? Онъ и самъ не уйдетъ, бритый чортъ!

— Отъ тепла-то да отъ сытости—куда ему, дураку гололобому?

— Тоже понимаетъ... Тутъ-то шкура цѣлѣй будетъ,—не то што!

— Домой-то къ Осману вернется—опять его сейчасъ подѣ пулю либо подѣ штыкъ.

— У нихъ присяга легкая...

— У всѣхъ одна.

— Тоже!.. Приравнялъ нашу къ поганому Магометкѣ!

— Какъ ни какъ, а солдаты они отличные.

— Это такъ! похаютъ нельзя. Солдаты, надо прямо сказать, отличные... умѣютъ помирать!..

И сосѣдъ ласково ткнулъ низама корявымъ перстомъ въ голый затылокъ.

— Куды ему уйтить—кругомъ вода!—смѣялись остальные.

Смѣялся и турокъ, ничего не понимая и только показывая всѣмъ бѣлые, какъ слоновая кость, зубы.

Мы — офицеры, помѣстились въ просторномъ домѣ. Домъ—по-ихнему, по-нашему—землянка или мазанка, только что пообширниѣе другихъ.

По срединѣ очагъ: вся она была сбита изъ глины. Разложили сейчасъ-же костеръ. Отъ крыши не осталось и жердей.

Вѣрно, турки разобрали ее на топливо; такъ что надъ нами раскидывался голубой шатеръ южнаго неба съ безчисленными звѣздами, кротко мигавшими изъ недосягаемыхъ безднъ.

У самой мазанки стояла черная и мрачная мечеть. Мы ее, разумеется, не видѣли, но минаретъ точно висѣлъ надъ нами въ прохладномъ воздухѣ. За нимъ прорѣзывался золотой серпъ молодого мѣсяца.

Мечеть казалась необитаемой, хотя туда сложили раненыхъ.

Тѣмъ не менѣе, когда кто-то изъ насъ, болѣе зоркій, всмотрѣлся вверхъ, онъ вскрикнулъ:

— Господа, а, вѣдь, на минаретѣ нашъ солдатикъ!

— Ну, вотъ!

— Я вижу. Ишь, подлецъ, забрался! Кто его гналъ туда? Да и какъ въ темнотѣ онъ ходы изучилъ?

— Отличное мѣсто для часового: далеко видно!

— Разъ одинъ по собственной охотѣ туда влѣзъ, отчего-жъ и въ самомъ дѣлѣ часового туда не поставить?

— Распорядитесь-ка, поручикъ!—приказалъ старый майоръ, общій нашъ любимецъ: — сверху-то кругомъ отлично видно непріятеля!

— Слушаю-съ!

Поручикъ всталъ и пошелъ.

— Полярная-то, господа, какъ далеко теперь...

— Давно-ли мы ее видѣли надъ собою? а?.. — замѣтилъ кто-то, — а теперь какъ запала. Только по привычкѣ и найдешь ее.

Мы посмотрѣли. Дѣйствительно, наша родная звѣздочка ушла на сѣверъ.

Старый майоръ вздохнулъ.

— Чего вы, Иванъ Ѳомичъ?—улыбнулся молоденькій подпоручикъ. — Вотъ ужъ отъ васъ-то я не ожидалъ такой сентиментальности. А еще надо мною смѣтеть, что я стихи пишу! А тутъ засмотрѣлись на звѣзду, и сейчасъ вздыхать. Какъ-будто и не къ лицу!..

— Я вовсе не изъ-за этого, — сконфузился майоръ.

— А изъ-за чего-жъ? — торжествовалъ поручикъ.

— У каждого свое.

— Нѣтъ, ужъ слишкомъ это чувствительно или, какъ нашъ писарь изображаетъ, чювствительно.

— Вотъ, посажу васъ подъ арестъ, вы и сообразите, что надъ старшими смѣяться не полагается! Хороша сентиментальность! У меня тамъ, въ Петербургѣ, подъ этою полярною звѣздой, пятеро дѣтей да жена, а я второй мѣсяцъ писемъ отъ нихъ не получаю. Можетъ быть, больны. Да и мало-ли что случилось, пока мы сидимъ здѣсь!

— Да, ужъ наши почты!

— Перевѣшалъ-бы я этихъ чиновниковъ!..

— Они тоже не виноваты. Мало ихъ!

— Довольно, чтобъ въ винтъ дуться по цѣлымъ ночамъ!

— Что вы думаете! — пріѣзжаю я въ почтовое отдѣленіе въ Систовѣ спросить писемъ и вижу картинку: весь полъ заваленъ горами ихъ... Понимаете, точно сѣно настлано... И на нихъ впо-

валку два почтовыхъ чиновника дрыхнуть — на женинныхъ да сестриныхъ слезахъ!

— Вы-бы ихъ...

— И не доканчивайте! Такъ обработалъ — жаловаться на меня бѣгали командиру.

— А тотъ?

— „Мало“, — говорить: — „я этому офицеру выговоръ дамъ — почему онъ пагайку въ ходъ не пустилъ!“

Нашъ вѣрный Личарда, косолапый солдатикъ Яковъ, раздулъ самоваръ и заварилъ чаю.

Маіоръ вытащилъ бутылку коньяку съ собакой на этикетѣ. Эту марку въ особенности почему-то любили въ прошлую войну, — такъ и спрашивали:

— Вамъ чаю-то какъ? съ собачкой?

— Нѣтъ-ли у кого пьянаго пса, господа?

— Хорошо-бы теперь глотка два-три Фидельки!

— Галетовъ вамъ угодно? — спросилъ Яковъ такимъ мрачнымъ голосомъ, точно онъ объявлялъ: „стража-де ждетъ вести васъ на эшафотъ“. — Галетовъ-то турецкихъ надо? У нихъ, у гололобыхъ дьяволовъ, галеты чудесныя, бѣлыя!

— Давай, давай! Да откуда у тебя онѣ?

— Скажите, пожалуйста! Повернуться не успѣлъ, а ужъ мѣшокъ съ галетами у него очутился!

— У меня и варенье это ихнее есть, жилийное которое, слива, значить, — еще мрачнѣе произнесъ Яковъ.

— Ну! вотъ благодѣтель! Значить, мы чай пьемъ со всѣми придаточными предложеніями.

— И баранъ вамъ къ вечеру будетъ.

Это ужъ было сказано такъ свирѣпо, какъ-будто приготовленное къ ужину животное было насквозь пропитано смертоносѣйшими ядами, и намъ всѣмъ послѣ него грозила неминуемая гибель.

— Съ рысью!..—побѣдоносно закончилъ Яковъ.

— Съ какой рысью?

— Съ бѣлой... Вродѣ капи которая!

— Съ рисомъ, значить!

— Ура!—вскочилъ прапорщикъ и, схвативъ ко-солапаго денщика, началъ кружиться у костра.

Мы всѣ хохотали, глядя на каменное лицо Якова, у котораго въ это время не шевелился ни одинъ мускулъ...

— А, вотъ, гуся-то — точно что генеральскій поваришко отбилъ. И гусь-то какой былъ! Полпуда, поди, въ гусѣ-то!

— Это еще какого гуся?

Какъ ни пріучилъ насъ Яковъ къ пріятнымъ сюрпризамъ, но тутъ ужъ и мы потерялись.

— Потому, пымаль я барана и гуся... дикіе!.. Ну, я сейчасъ барана за холку, гуся за горло — и айда!.. А тотъ подлецъ, поваришко-то, тутъ какъ тутъ. Сейчасъ птицу-то изъ-подъ меня—цапъ. Ну, оно точно, виноватъ, ваше высокородіе,—обратился онъ къ маіору, — съѣздилъ я его разъ со всей вѣжливостью по мордѣ, а только гуся онъ уволокъ. Но!..—и голосъ Якова сталъ таинствененъ,—я ему—вотъ!

Пальцы Якова изобразили извѣстный прозаическій знакъ, почему-то грубо именуемый шишомъ.

— Это какъ-же?—хохотали мы.

— А такъ!

— Не понимаемъ!..

— Вольно-же! Дѣло, чего проще нѣтъ! Гуся-то я того...

— Да объясни ты, ради Христа!..

— Назадъ получу!

— Н-пу!..

— Вотъ вамъ крестъ—добуду!

— А генераль? Голодать ему, что-ли?

— А это ужъ поваренково дѣло. Ему отъ генерала будетъ на орѣхи—не воруй!

— Да какъ-же ты добудешь, чудакъ?

— Трое нашихъ солдатиковъ порадѣютъ. Пущай онъ его съ полною деликатностью изжаритъ, а потомъ мы его со всѣмъ противнемъ сюда... Потому, онъ нашъ, гусь-то. Я этого оставить никакъ не согласенъ. Положимъ, я его ткнулъ чудесно, но только мое ты мнѣ подай!..

— Почему только ты и барана, и гуся дикими зовешь?

— Развѣ есть бараны дикіе? — смѣялись кругомъ.

— А то нѣтъ!.. Какъ-же не дикіе? Коли-бы они настоящіе, праведные—нешто они бѣжали-бы отъ меня? Слава Богу, всякая домашняя скотина понимать должна, что она на потребу есть, а не то, что при всей своей безчувственности по огоро-

дамъ шваркатъ. Опять-же, коли-бы она была не дикая; гдѣ хрестъ-отъ? Хрестъ гдѣ на ней?

— Какой крестъ?

— На болгарскомъ скотѣ завсегда хресты написаны... ну, это, значить, не дикая. А на баранѣ хреста не было!

Кучка солдатиковъ показалась въ окнѣ.

— Яковъ Яковлевичъ!—шопотомъ звали они его.

Солдатики высматривали весьма торжественно и таинственно.

— Что тебѣ, Семеновъ?—приподнялся майоръ.— Случилось что?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе... Все обстоитъ благополучно!

— Чего-же вы тутъ болтаетесь?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе... Мы на счетъ того самаго, ваше высокоблагородіе...

— Касательно гуся. Потому Яковъ Яковлевичъ приказали безпремѣнно генеральскаго гуся украулить.

— Ну?

— Вотъ онъ, гусь самый этотъ!—и солдатикъ, обернувшись, указалъ на стоявшаго поодаль товарища. У того въ рукахъ былъ противень, съ котораго паръ такъ и валилъ клубами.

— Вотъ это такъ!—обрадовался Яковъ. — Впередъ изъ-подъ рукъ—не смѣй! Вотъ это такъ! Что, братъ, выхватилъ?.. Взялъ съ перьями, а вернулъ съ соусомъ... Чудесно, чего лучше! а въ морду само собою получилъ!..